

Естественное право в трудах Б.Н. Чичерина и Вл. Соловьева

Ю.Ю. Дубатовка

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье автором рассматриваются концепции естественного права, предлагаемые выдающимися русскими мыслителями В.С. Соловьевым и Б.Н. Чичериным. На основе анализа их правовых воззрений автор делает вывод о неоднозначности главной идеи всего течения "естественного права" – обусловленности права нравственностью.

Abstract. In this paper the author has considered the conceptions of natural right proposed by the remarkable Russian thinkers V.S. Solov'yov and B.N. Chicherin. The author has given the analysis of their right views and has come to the conclusion about ambiguity of the main idea of the whole "natural law" trend – law is conditioned by morality.

1. Введение

Идея естественного права как отличного от совокупности законов, установленных государством, принадлежит к числу древнейших в истории правовой мысли. В различных концепциях естественного права по-разному решался вопрос о его сущности и значимости. Предметом спора было то, является ли оно собственно правом или неким нравственным идеалом, к которому должно стремиться путем превращения его в действующее право с помощью законодателя.

В начале истории правовых учений право ассоциировалось со справедливостью, равенством, добродетелью, "естественным правом", неотчуждаемым от личности. Позднее, с возрастанием роли государства, усиливается авторитет закона, который становится источником права. При этом естественное право не отрицает необходимость норм позитивного права. Таким образом, начинают существовать два права: действительное и "естественное". Первое характеризуется тем, что ограничивает человеческую свободу, а второе представляет некий его нравственный идеал, которым должен руководствоваться законодатель в процессе законотворчества. В этом случае утрачивается ясность как природы права, так и нравственности. Поскольку бесконечное разнообразие нравственных воззрений и в отдельных личностях, и в различных исторических эпохах разрушает иллюзию абсолютной нравственности и устанавливает относительность нравственных понятий, тогда возникает вопрос – какая нравственность должна быть принята как идеальный образец.

Чтобы избежать дуализма естественного и положительного права сторонники идеалистических течений пытались перевести нормы нравственности в область права. Так, обусловленность права нравственностью явилась парадигмой всего течения возрожденного естественного права. Однако даже внутри самого течения не было единого мнения по этому вопросу. Более того, порой они были прямо противоположными. Ярким примером чему могут послужить естественноправовые концепции, предложенные выдающимися русскими мыслителями В.С. Соловьевым и Б.Н. Чичериным.

2. Правовые воззрения Б.Н. Чичерина

Исходным началом теории права и политики Чичерина является понятие человеческой личности. "Лицо составляет краеугольный камень всего общественного здания" – подчеркивал мыслитель, анализируя доводы современной ему эмпирической психологии, которая в духе позитивизма отрицала само понятие личности, сводя его лишь к ряду психологических состояний, что ведет к разрушению самой идеи права, так как для нее не существует субъекта – носителя безусловной ценности (Чичерин, 1998). Признать за человеческой личностью безусловное достоинство – значит, предполагать, что она есть нечто постоянное, нечто такое, что пребывает в потоке явлений.

Таким образом, сама идея человеческой свободы оправдывается безусловным достоинством человеческой личности. Свобода становится орудием безусловного, воплощающегося в человеке.

Пока человек стоит на животной ступени развития, он может делать зло не раздумывая, просто по внушению своих внутренних влечений. Однако, хотя Чичерин и признавал, что склонность ко злу является врожденным свойством человека, но все же он может и должен свои поступки подчинять разумному закону. Подчиняя человеческую волю разумному началу, Чичерин представлял ее как способность субъекта осуществлять цели разума во внешнем мире и тем самым подчинять последний высшему закону. "Таков непоколебимый и неизменный идеал права и правды, идеал, вытекающий из ясных требований разума и из глубочайших основ духовной природы человека" (Чичерин, 1998). Тем

самым, разум, по Чичерину, дает человеку возможность познать общие законы и носить в себе сознание абсолютного. Этим обусловлена внутренняя свобода человека, так как частным побуждениям противостоит общий закон, господствующий над ними (*Ватиль, Ермашов, 1997*). Свободная воля, таким образом, составляет основное определение человека, как разумного существа. В этом заключается и источник права. Сама идея права рождается не из идеи свободы как таковой, а из признания того, что человек обладает достоинством и свободой, а потому может требовать их признания от всех других лиц, поскольку и они являются носителями аналогичных ценностей. В то же время это моральное право является и моральной обязанностью.

Поскольку каждая личность обладает свободой и стремится расширить ее границы, появляется необходимость сделать это так, чтобы свобода одного не мешала свободе остальных, то есть рождается необходимость принудительно регулировать их отношения. Отсюда возникает право, как взаимное ограничение свободы под общим законом, которое именно поэтому составляет неотъемлемую принадлежность всех человеческих союзов. Право "указывает на высшую связь лиц, которая не ограничивается взаимодействием отдельных единиц, а делает их членами высшего целого" (*Чичерин, 1997*).

У Чичерина право имеет двоякое значение: субъективное и объективное. Субъективное право он определял как "нравственную возможность", или, иначе, "как законную свободу что-либо делать или требовать". Объективное же право есть сам закон, определяющий эту свободу. И субъективное и объективное право у Чичерина неразрывно связаны, ибо, по его определению, свобода только тогда становится правом, когда она освящена законом. Закон же признает и определяет свободу. Хотя основное значение у Чичерина имеет субъективное право, так как источник права заключен "не в законе, а в свободе", но вместе с тем он подчеркивает, что право есть начало формальное, содержание дается ему свободным движением жизни. Однако отсюда не следует, что существо права ограничивается защитой этого жизненного содержания.

Началом же, на основе которого, по мнению Чичерина, регулируется внешняя свобода, является справедливость – общее разумное начало, которое служит руководством, как в установлении закона, так и в его приложении. Понятие справедливости как основы действующего законодательства приводит Чичерина к признанию естественного права. "Положительное право развивается под влиянием теоретических норм, которые не имеют принудительного значения, но служат руководящим началом для законодателей и юристов. Отсюда рождается понятие о праве естественном, в противоположность положительному" (*Чичерин, 1998*).

Справедливость и свобода представляют у Чичерина двуединую идею права. В понятии справедливости ученый (как и Аристотель) выделял два вида: "правду уравнивающую" и "правду распределяющую". Издавна понятие справедливости связывалось с понятием равенства, которое, однако, понималось неоднозначно. Справедливым считалось то, что одинаково прилагается ко всем. Это начало, по мысли Чичерина, вытекает из самой природы человеческой личности. Все люди есть разумно-свободные существа, все созданы по образу и подобию Божьему и, как таковые, равны между собой. Признание этого коренного равенства составляет высшее требование правды, которая с этой точки зрения носит название правды уравнивающей. Чичерин относил это равенство только к сущности человека, как существа, одаренного разумом и свободной волей, а отнюдь не к внешним его определениям и к тем условиям, среди которых он живет.

В государстве же лицо не просто "разумно-свободное существо", оно является членом "высшего целого", в котором оно призвано исполнять соответствующие его положению обязанности. Это, в свою очередь, порождает между ними новое неравенство, которое значительно видоизменяет естественное равенство. Теперь в условиях, когда приходится "делить общее достояние или разлагать общие тяжести", выступает "новое определение правды – правды распределяющей". Последняя "признает людей самостоятельными и равными между собою лицами, находящимися во взаимных отношениях". Из этих двух видов правды первая руководится началом равенства арифметического, вторая – началом равенства пропорционального.

На этом основании Чичерин полагал необходимым разделение двух областей государственной жизни – гражданской и политической, с подчинением каждой из них свойственным им определениям правды: в одной – должно господствовать равенство арифметическое, а в другой – равенство пропорциональное.

В отличие от рационалистических теорий XVII-XVIII веков, Чичерин выдвигает концепцию естественного права с изменчивым содержанием. Он не видит в естественном праве абсолютную и неизменную норму, с которой должно соотноситься всякое положительное законодательство. Определение прав и установление их границ, говорит он, не может зависеть от личного усмотрения каждого, как не может зависеть и от "неизменных" указаний естественного закона. Только публичная

власть может подписать правила, обязательные для всех, руководствуясь при этом не только взаимным отношением свободы отдельных лиц, но и требованиями общественной пользы, которым всегда и везде подчиняется личная свобода. Поэтому границы прав никогда не составляют непреложного кодекса.

3. Генезис правовых взглядов В.С. Соловьева

На основе анализа творчества В.С. Соловьева, можно выделить два этапа формирования его правовых взглядов. На первом этапе Соловьев был склонен понимать право как начало, обусловленное практической необходимостью, но не имеющее никакой положительной задачи. В "Критике отвлеченных начал" он относит к области права всю отрицательную часть нравственности, т.е. все нравственные запреты. С этой точки зрения все требования права сводятся к одному – "никому не вреди". Во втором периоде своего творчества Соловьев уже трактует право как важнейшее связующее звено между идеальным нравственным сознанием и действительной жизнью. Теперь оно служит "воплощению добра" и определяется справедливостью.

Право, говорит Соловьев, возникает фактически в истории человечества наряду с другими проявлениями общественной жизни и является вначале как непосредственное выражение инстинктивного "родового разума", для индивидуального разума оно является первоначально не как добытое или придуманное им, а как ему данное. Поскольку дальнейшее направление исторического развития знаменуется все большим и большим выделением личного начала, то человеческое общество стремится стать свободным союзом лиц. "А потому и право, как необходимая форма человеческого общежития, вытекая первоначально из глубины родового духа, с течением времени неизбежно должно было испытать влияние обособленной личности, и правовые отношения должны были стать в известной степени выражением личной воли и мысли" (Соловьев, 2001).

Обособившиеся лица, утратившие связь родового организма, вступают по необходимости во внешние отношения друг к другу, и их связь определяется как договор. Теперь источником права является договор, и оно всецело определяется той сознательной целью, которую ставит себе совокупность договаривающихся лиц. Таким образом, здесь определяющим началом права является общая польза. В то же время он критикует воззрение, которое видит цель государства в осуществлении общей пользы. Прежде всего, интересы людей не солидарны, поэтому можно говорить не об общей всем пользе, а разве что о пользе большинства людей. Но в вопросах интереса нельзя ручаться не только за солидарность всех, но и за солидарность большинства. Поэтому собственной целью государства должен является не интерес как таковой, а разграничение этих интересов, делающее возможным их совместное существование. Все интересы равны перед властью, поэтому государство в своей деятельности руководствуется не интересом, не пользой, а справедливостью, т.е. равным отношением ко всем интересам (Соловьев, 1988).

Переходя к вопросу о существовании права, Соловьев говорит, что правом, прежде всего, определяется отношение лиц. Лицом, в отличие от вещи, называется существо, не могущее по своей природе служить только средством для другого, а существующее, как цель в себе и для себя, безусловно, внутреннее и самобытное – для другого непроницаемое и неустранимое. А это и есть свобода в истинном смысле этого слова. Но свобода сама по себе, как свойство лица отдельно взятого, еще не образует права, так как здесь свобода проявляется лишь внешним образом, совпадая с силой личности. Нет права ни в том случае, когда личности предоставлено действовать в пределах ее силы, ни в том случае, когда деятельность личности наталкивается на какую-либо случайную границу, полагаемую силами внешней природы. "Но если я проявление своей свободы ограничиваю, или обуславливаю признанием за другим такой же принципиальной свободы, то таким признанием я делаю свою свободу обязательной для него и превращаю ее в свое право". Таким образом, моя свобода как право, прямо зависит от признания равного права всех других. Отсюда мы получаем основное определение права: право есть свобода, обусловленная равенством (Соловьев, 2001).

Непосредственно к этому определению примыкает у Соловьева учение о естественном праве: понятия личности, свободы и равенства составляют самую его сущность. Эти же понятия составляют необходимый элемент всякого положительного права, его формальное условие; отсюда следует, что естественное право относится к положительному, как форма к содержанию. Оно есть "та алгебраическая формула, под которую история подставляет разные действительные величины положительного права". Форма в действительности не может существовать отдельно от содержания; поэтому и естественное право в отдельности от положительного – не более как отвлечение нашего ума (Трубецкой, 1995). Отсюда Соловьев выводит, что необходимые признаки естественного права – свобода и равенство – свойственны всякому праву вообще. Отнимите свободу, и право становится своим противоположным, т.е. насилием; отнимите всеобщее равенство, и вы получите неправду, т.е. прямое отрицание права.

С этими общими понятиями о праве у Соловьева теснейшим образом связано его общее учение о государстве. На страницах "Критики отвлеченных начал" задача государства у него заключается в осуществлении правового порядка. Право выражает собою отрицательное определение свободы – независимость лица от всех прочих лиц. "Все значение правового закона сводится к указанию тех границ, которые лицо не должно переступать или должно не переступать в свободном пользовании своими силами".

Требование права, чтобы одно лицо не служило только средством или вещью для другого, выражает собою отрицательную сторону нравственного начала. Положительная же сторона нравственности требует, чтобы я не только не нарушал свободы другого, но оказывал ему деятельную помощь. "Правомерное государство не требует и не может требовать, чтобы все помогали каждому и каждый всем: оно требует только, чтобы никто никого не обижал". Правомерный порядок, осуществляемый государством, таким образом, представляет собою лишь формальное, или отрицательное, условие для нормального общества.

Однако под влиянием критики Б.Н. Чичерина Соловьев изменяет свой взгляд на право и государство. Если в "Критике отвлеченных начал" право определяется чисто отрицательно, а государство – как формально-юридический союз, то теперь в "Оправдании добра" за ним признается положительное значение. Право же "есть принудительное требование реализации определенного минимального добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла". "Государство есть собирательно-организованная жалость".

"В праве и нравственности" Соловьев заявляет, что деление по принципу "право – вся отрицательная часть нравственности, а нравственность – все положительные заповеди" недостаточно. Во-первых, юридический закон запрещает не все вредные действия, а только некоторые. Во-вторых, в содержание права, кроме запретов, входят и некоторые положительные предписания. В-третьих, чисто нравственный закон едва ли не в большинстве случаев состоит из запрещения таких действий, которые обидны или вредны для других. Несмотря на отступление от первоначальной точки зрения, Соловьев все еще пытается понять право как часть нравственности. Различие между этими областями он видит в следующем.

Во-первых, чисто нравственное требование, как, например, любовь к врагам, есть требование неограниченное, которое предполагает безусловное стремление к нравственному совершенству. Требования правовые, напротив, по существу, ограничены; они довольствуются низшей минимальной степенью нравственного состояния.

Из первого отличия вытекает второе. Высшие нравственные заповеди не предписывают заранее никаких внешних определенных действий. Право, наоборот, целиком выражается в требовании определенных внешних действий или воздержания от действия.

Из второго отличия выводится и третье. Требование нравственного совершенства как внутреннего состояния предполагает свободное или добровольное исполнение; всякое принуждение – физическое или психическое – здесь и нежелательно, и невозможно. Напротив, внешнее осуществление известного законного порядка допускает принуждение. Мало того, для внешнего осуществления минимального добра принуждение представляется необходимым.

Из соединения этих трех признаков у Соловьева получается такое определение права в его отношении к нравственности: "Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла" (Соловьев, 2001). Ради любви к людям нельзя позволять им истреблять друг друга.

Вопрос же о совместимости принуждения со служением идеалу нравственного совершенства с этой точки зрения получает у Соловьева простое и ясное решение. Для того чтобы люди свободно совершенствовались, необходимо существование общества: "следовательно, принудительный закон, действительно не допускающий злую волю до таких крайних проявлений, разрушающих общество, есть необходимое условие нравственного совершенствования и в этом качестве требуется самим нравственным началом, хотя и не есть его прямое выражение". Итак, два интереса – индивидуальной свободы и общественного благосостояния – сходятся между собой. Из их встречи рождается право.

Признавая необходимость принуждения, Соловьев, тем не менее, пытается очертить пределы той области, где оно должно применяться. Поскольку право ограждает свободу как необходимое условие нравственного усовершенствования, отсюда следует, что оно не должно покушаться на духовную свободу человека. Оно никого не должно принуждать быть добродетельным или нравственным. Ибо человек должен достигать нравственных вершин свободно, а для этого нужен простор внизу, нужна некая свобода быть безнравственным. "Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царствие Божие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад" (Соловьев, 2001).

4. Заключение

Так, решая одну из важнейших теоретико-познавательных проблем о соотношении права и нравственности, Чичерин коренным образом разошелся с Соловьевым. Основной смысл для Соловьева заключается в том, чтобы подчеркнуть тесную связь права с нравственностью. Он утверждает, что проникновение нравственности необходимо во все жизненные сферы, в том числе и правовую. Доказывает при этом, что нравственная проповедь, лишённая реальной поддержки со стороны права, осталась бы в лучшем случае пустословием, а само право при полном отделении своих формальных понятий от нравственных принципов потеряло бы свое значение и ничем не отличалось бы от произвола. Вместо нравственного совершенства юридический закон требует минимальной степени нравственного состояния, лишь фактической задержки известных проявлений безнравственной воли. С этой точки зрения, право можно определить как реализацию минимума добра. Чичерин, напротив, отстаивал независимость права, несводимость его к нравственности. Отнесение права к низшей ступени нравственности, по его мнению, лишает право самостоятельного значения и делает его слугой нравственности, что ведет к нежелательным последствиям – к принудительному осуществлению нравственных начал. Принудительная нравственность – это уже безнравственность. У него естественное право представляет собой систему общих норм, вытекающих из разума и призванных быть руководством для законодателя.

Литература

- Ватиль В.Н., Ермашов Д.В.** Социально-политическая и правовая мысль России XIX – начала XX века. *Гродно, Правоведение*, ч.1, с.162-167, 1997.
- Соловьев В.С.** Оправдание добра. Соч. в 2 т. *М., Мысль*, т.1, с.456-461, 1988.
- Соловьев В.С.** Право и нравственность. *Минск, Харвест, М., АСТ*, с.7-21, 32-35, 38-41, 2001.
- Трубецкой Е.Н.** Мирозерцание В.С. Соловьева. В 2 т. *М., Моск. философский фонд изд-ва "Медиум"*, т.1, с.155, 166-168, т.2, с.154-159, 1995.
- Чичерин Б.Н.** Избранные труды. Подготовка текста, составление, вступительная статья и комментарии А.В. Полякова. *СПб., Изд-во С.-Петербургского университета*, с.3-13, 66, 70-71, 1997.
- Чичерин Б.Н.** Философия права. *СПб., Наука*, с.80-94, 181-183, 1998.